

Хлебом и мясом себя обеспечивали сами

До 1917 года сельское хозяйство на Дальнем Востоке переживало небывалый подъем. Пшеницы и ржи производилось столько, что вполне хватало для самообеспечения, росло поголовье скота

Автор: [Ирина Манойленко](#)

[Биробиджанер Штерн](#) - [7\(14477\)24.02.2016](#)

Земли – 1906 десятин, скота и лошадей – 783

Так писалось в статистическом отчете о состоянии станицы Раддевской в начале прошлого века. А всего в казачьих станицах, которые стали потом частью территории ЕАО, имелось накануне 1917 года более пятидесяти тысяч гектаров пашни и пастбищ, свыше сорока тысяч голов крупного рогатого скота и лошадей.

В предыдущем номере «БШ» в публикации «Коровы отпущения» мы сообщили о том, что колхоз «Раддевский» решил распродать почти все поголовье крупного рогатого скота – 580 голов. Готовя эту публикацию, я нашла информацию о том, как выглядело село Радде, которое тогда было казачьей станицей, в начале прошлого века. В статистическом отчете названы только цифры, но они говорят сами за себя.

Итак, «дворов в станице – 59, жителей обоего пола – 487 душ, земли – 1906 десятин, скота и лошадей – 783 головы, свиней 161. Есть одиннадцать водяных и две конных мельницы, хлебный магазин, четыре лавки, школа, церковь, почтовая и телеграфная станции».

В 1928 году в Радде побывала экспедиция профессора Бориса Брука, исследовавшая Приамурье с целью привлечения в эти места еврейских переселенцев. В своем отчете Брук с восторгом описывал село, отмечая рачительность и трудолюбие его жителей, которых к тому времени насчитывалось более шестисот.

По последней переписи населения в Радде проживало 429 человек, имелось 150 дворов. Сейчас эти цифры еще меньше, а коров на сельских подворьях осталось три десятка голов.

В начале прошлого века Радде являлось центром станичного округа. В его состав входило девять населенных пунктов – две станицы и пять хуторов. Проживало в округе около двух тысяч человек, земельные угодья составляли свыше восьми тысяч гектаров, крупного рогатого скота имелось 2200 голов, лошадей – полторы тысячи. Четыре хутора до наших дней не сохранилось, от большого станичного округа остались лишь Радде, Пашково и бывший хутор Башуровский, ставший селом Башурово. И жителей, и земли под пашней, и скота на территории бывшего округа стало намного меньше.

Годы роста

В прошлой публикации, посвященной столетию первой Всероссийской сельскохозяйственной переписи, я коротко сообщила о том, что в 1917 году Временное правительство решило провести собственную сельхозперепись. Это была последняя досоветская перепись, итоги которой по Дальнему Востоку были обнародованы в выпущенном в Благовещенске сборнике под названием «Последние итоги сельскохозяйственной переписи Амурской области в 1917 году». А в 1919 году, когда уже

шла Гражданская война, во Владивостоке вышел статистический сборник «Всероссийская сельскохозяйственная поземельная и городская перепись 1917 года. Крестьянские и казачьи хозяйства Приморской, Амурской и Сахалинской областей». Территория нашей будущей области большей частью тогда входила в состав Амурской области.

Начало девятнадцатого века, судя по этим сборникам, было для Дальнего Востока годами небывалого подъема и роста. Бурно росло население – только за семь лет, с 1910-го до 1917 года число жителей Дальнего Востока увеличилось с 597 тысяч до 892 тысяч человек, то есть почти на треть. Количество крестьянских и казачьих хозяйств выросло со 102 тысяч до 135 тысяч, а в Хабаровском крае – на 42 процента. Причем хозяйства прирастали более высокими темпами, чем население. Во-первых, уменьшился средний состав крестьянских и казачьих семей – с 6,8 до 5,7 человек. Во-вторых, именно в те годы хозяйства старожилов стали активно дробиться на малые: выросли, обзавелись своими семьями уже не сыновья, а внуки первых поселенцев казачьих станиц и хуторов.

На каждый двор в 1917 году приходилось около трех голов рабочего скота и по две – крупного рогатого. Причем рост поголовья скота опережал чуть ли не вдвое прирост населения. Повысилась за это время и молочная продуктивность коров. В сборнике «Труды Амурской энциклопедии» называются такие цифры: в 1910 году в Амурской области получали в среднем по 600 литров молока от коровы в год, а в 1917-м – 950 литров.

За эти годы стало больше не только крупного рогатого и рабочего скота – в хозяйствах дальневосточников почти в три раза прибавилось овец и коз – с 37 до 107 тысяч голов.

Посевная площадь составляла в 1917 году 886 тысяч гектаров, а больше всего пахотной земли имела Амурская область – 545 тысяч гектаров. На каждого жителя Дальнего Востока в среднем приходилось 260 выращиваемых на местных полях пшеницы и ржи. Можно сказать, что своим хлебом местное население обеспечивалось почти полностью, как и мясом, молоком.

На десять лет назад

В 1920 году в России прошла третья по счету сельскохозяйственная перепись, но Дальний Восток, ставший к тому времени буферным государством, был из нее исключен. К тому же здесь еще не закончилась, а была в самом разгаре Гражданская война. И только в 1923 году на всей дальневосточной территории, еще не успевшей оправиться от последствий войны, прошла сельскохозяйственная перепись. Старожилы вспоминали, как закрывали многие казаки и крестьяне ворота перед переписчиками, не пуская их даже во двор. Люди еще не доверяли новой власти, а то и ненавидели ее. Многие боялись, что скот начнут уводить со двора. Поэтому итоги этой переписи вряд ли можно назвать точными.

Тем не менее в 1925 году эти итоги довольно подробно были проанализированы в вышедшем на этот раз в Хабаровске статистическом сборнике. Выяснилось, что военное пятилетие отбросило сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке на десять лет назад. При этом сельское население за это время заметно выросло. Судя по исследованиям тех лет, произошел этот прирост за счет притока в села городского населения. Это и не удивительно – прокормиться в войну было легче в селе, нежели в городе.

Был и заметный приток на русский Дальний Восток корейского населения, о чем, кстати, писал профессор Борис Брук в своей книге «Биро-Биджанский район Дальневосточного края».

В этот военный период стало не до белого хлеба – посевы пшеницы больше чем наполовину сократились, зато ржи стали сеять в три с лишним раза больше. Сократились посадки картофеля, овощей, масличных культур. А вот посевы гречихи увеличились в два с половиной раза.

Заметно упала и урожайность – не хватало удобрений, вырождались семена. Обеспеченность хлебом сократилась с 260 до 95 килограммов.

Из-за дефицита фуража и картофеля в полтора с лишним раза за пять лет уменьшилось поголовье свиней – с 342 до 205 тысяч голов.

К тому времени в станицах, селах и хуторах уже существовали комбеды – комитеты бедноты, с помощью которых начали ликвидировать хозяйства, где применялся наемный труд. Таких хозяйств стало в три с половиной раза меньше.

Ослабли в результате Гражданской войны товарно-денежные связи дальневосточного села с другими отраслями народного хозяйства, зато усилились элементы натурального хозяйства – казаки и крестьяне старались сами себя не только накормить, но и обуть-одеть.

Кульбиты истории

Через семьдесят лет, в 1990-е годы, во многом повторится ситуация, которая сложилась в сельском хозяйстве Дальнего Востока в годы Гражданской войны. Стали так же резко сокращаться посевные площади, в разы сократилось поголовье скота, но сокращение больше коснулось общественного скота, а на личных подворьях тогда еще цепко держались за коров-кормилиц, потому что в магазинах молоко почти не продавалось. Жители сел, оставшись без работы и не получая «живых» денег, сами делали масло, сыр, а кто-то вытащил с чердаков бабушкины прялки. Снова стали популярны русские печи – в них пекли хлеб.

Образцом такого натурального хозяйства была хорошо знакомая мне семья Быковых из села Полевое Октябрьского района. В 1990-е годы, оставшись без работы, бывшие совхозные животноводы расширили собственное дойное стадо до 15 голов, а всего крупного рогатого скота имели больше 30 голов. А еще было у них два десятка овец, свиньи, куры, гуси, цесарки. Масло, сыр, творог, сметану, даже майонез готовили Быковы сами. Ну а зимой хозяйка садилась за прялку, чтобы из овечьей шерсти наготовить побольше пряжи. Из нее вязались кофты, свитера, варежки и носки.

Такие вот кульбиты российской истории.

На казачьем подворье